

О НАТУРАЛЬНОМ ХОЗЯЙСТВЕ И ТОВАРНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ В РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

К числу серьезных пробелов в советской историографии древнего мира относится прежде всего далеко недостаточное изучение ряда экономических проблем рабовладельческого строя. Многие важнейшие положения марксистской политической экономии до сих пор еще мало применяются в наших конкретных исторических исследованиях.

Чрезвычайно важное значение для углубленного изучения древней истории имеют, в частности, положения марксистской политической экономии о роли и характере товарного производства при рабовладельческом строе. На недопустимость забвения этих положений специалистами в области политической экономии указывал И. В. Сталин в труде «Экономические проблемы социализма в СССР», в котором дана предельно четкая постановка этого вопроса. К сожалению, совершенно недостаточное внимание уделяли проблеме товарного производства и советские историки древности.

Между тем вопрос о характере товарного производства в древности является объектом всевозможных извращений в буржуазной историографии и чрезвычайно запутан. Поэтому неудивительно, что нередко мы сталкиваемся с совершенно неправильной трактовкой этих вопросов и в работах советских историков. Так, например, в учебнике по истории древней Греции В. С. Сергеева сказано: «Рабство и капитализм суть классовые экономические системы. Однако отличие рабовладельческой системы от капиталистической заключается в следующем: в рабовладельческих обществах гораздо больше элементов *натурального хозяйства* (курсив В. С. Сергеева.—*Ред.*), чем при капитализме» (стр. 240). Таким образом, отличие рабовладельческой системы от капиталистической, по Сергееву, сводится только к количественному моменту: к преобладанию в первой элементов натурального хозяйства. Большую путаницу в понимании основных экономических категорий трудно себе представить.

Далеко не полно и не всегда правильно рассматривается этот вопрос и во многих других работах советских историков. Так, например, вопрос о роли торговли обычно исследуется в большем или меньшем отрыве от характеристики рабовладельческой экономики в целом. Поэтому нередко эта роль преувеличивается, и тем самым рабовладельческое общество несколько модернизируется. Такие установки ведут часто к неправильной характеристике мотивов внешней политики древних государств и к другим подобным ошибкам. Так, например, А. Б. Ранович

полагал, что многие войны эллинистического периода были войнами торговыми (А. Ранович, *Эллинизм и его историческая роль*, М., 1950, стр. 19). Иногда же, напротив, роль торговли крайне преуменьшается, что искажает действительный ход исторического процесса.

Но дело не только в ошибках. Не менее важным недостатком является и пренебрежение к серьезной теоретической постановке вопроса о роли товарного производства в древности. Оно сказывается и на решении таких важных проблем, как, например, проблема производственных отношений в древнейших рабовладельческих обществах, для которых было характерно сохранение сельской общины. Вопрос о разложении последней тесно связан с проблемой возникновения и развития товарного производства. Между тем в специальных исследованиях до сих пор эти вопросы освещались мало и с недостаточной теоретической глубиной. Не приходится и говорить, какое значение имеет проблема товарного производства для правильного разрешения вопроса о различии между ранними и развитыми рабовладельческими обществами.

Совершенно очевидно, что все эти пробелы в нашей историографии объясняются недостаточно глубоким усвоением основных положений марксистско-ленинской политической экономии. Поэтому представляется необходимым еще и еще раз изучать эти положения с тем, чтобы творчески применять их к истории древнего мира.

В настоящей статье затрагиваются только некоторые из вопросов истории товарного производства, так как все вопросы истории товарного производства в древности осветить в одной статье, разумеется, невозможно.

В «Капитале» Маркс говорит, что денежное хозяйство свойственно всякому товарному производству и что продукт является в виде товара в самых различных общественных производственных организациях. Но капиталистическое производство есть товарное производство, ставшее всеобщей формой производства, и, как пишет Маркс, «... оно является таковым и по мере своего развития становится все более таковым лишь потому, что здесь сам труд оказывается товаром, потому что рабочий продает труд, т. е. функцию своей рабочей силы, и притом, как мы принимаем, продает по ее стоимости, определяемой издержками ее воспроизводства». Далее Маркс указывает: «В отношении между капиталистом и наемным рабочим денежное отношение, отношение покупателя и продавца, становится отношением, имманентно присущим самому производству. Но это отношение в основе своей зиждется на общественном характере производства, а не способа обмена; последний, напротив, вытекает из первого. Впрочем, буржуазному кругозору, при котором все внимание поглощается обдѣлыванием коммерческих делишек, как раз соответствует воззрение, что не характер способа производства служит основой соответствующего ему способа обмена, а наоборот» (К. Маркс, *Капитал*, т. II, 1949, стр. 113—114).

Эта мысль чрезвычайно важна. Для Маркса основным критерием при определении хозяйственной системы служит не способ обмена, а характер производства, форма эксплуатации. Так, основным признаком капиталистического хозяйства является не степень развития в нем товарных отношений, а то обстоятельство, что рабочая сила служит в нем товаром. Такой же критерий мы должны применять и при определении рабовладельческого хозяйства.

При рабовладельческом строе основой производственных отношений является собственность рабовладельца на средства производства, а также на работника производства — раба, которого рабовладелец может продать, купить и убить. Раб является собственностью и товаром, но именно

поэтому его рабочая сила не может быть товаром. Раб вместе со своим трудом раз навсегда продан своему господину. Раб — товар, который может переходить из рук одного собственника в руки другого, но его труд не его товар (см. К. Маркс, Наемный труд и капитал, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. V, стр. 422—423).

Рабовладельческое хозяйство — хозяйство не капиталистическое не потому, что обмен в нем развит меньше, чем при капитализме. Это не основной признак. В отдельных частях античного мира торговля могла быть развита даже больше, чем в отдельных частях капиталистического мира. Сравним, например, хозяйство Перикла с хозяйством «континентального мелкого крестьянина старого склада», о котором говорит Маркс во II томе «Капитала». Плутарх пишет о Перикле: «...Он получил в законное наследство доставшееся ему от отца богатство; не желая ни потерять это богатство вследствие небрежения, ни возиться с ним и тратить время, будучи всецело занят государственными делами, он организовал управление им таким способом, который казался ему самым удобным для проверки и самым надежным. Весь урожай он ежегодно продавал, а затем все предметы первой необходимости закупал на рынке; так была организована его жизнь и питание». Маркс пишет о крестьянине, который «...непосредственно потребляет наибольшую часть своего продукта, возможно меньше покупает и продает и, поскольку возможно, самолично изготовляет орудия, одежду и т. д.» («Капитал», т. II, стр. 112).

Античное хозяйство не было капиталистическим потому, что труд в нем не был товаром, потому что рабовладельческая эксплуатация основана на рабовладельческой собственности и на вытекающем из нее внеэкономическом принуждении, на натуральном присвоении рабочей силы. «Но и система рабства, — говорит Маркс, — насколько она представляет собою господствующую форму производительного труда в земледелии, мануфактуре, судоходстве и т. д., как было в развитых государствах Греции и в Риме, — сохраняет элемент натурального хозяйства. Самый рынок рабов постоянно получает пополнение своего товара — рабочей силы — посредством войны, морского разбоя и т. д., и этот разбой, в свою очередь, обходится без посредства процесса обращения, представляя натуральное присвоение чужой рабочей силы посредством прямого физического принуждения» (там же, стр. 480).

Таким образом, если даже предположить, что все афинское хозяйство V—IV вв. до н. э. или римское городское и пригородное хозяйство II в. до н. э. — II в. н. э. было сплошь товарным, тем не менее оно от этого не переставало быть натуральным по своей сущности, потому что оно было основано на рабстве, при котором труд не служит товаром.

Простое товарное производство есть производство на рынок, не являющееся в то же время капиталистическим производством. Основой рабовладельческих производственных отношений является частная собственность. Частное присвоение средств производства и труда рабов не только позволяет, но и делает необходимым возникновение обмена и, следовательно, появление денег. Отсюда неизбежно вытекает развитие товарного производства при рабовладельческой формации.

Сфера действия простого товарного производства в рабовладельческом обществе была весьма широка. В «Дополнениях к III тому „Капитала“» Энгельс говорит о законе стоимости: «Стало быть, закон стоимости Маркса имеет экономически всеобщую силу для периода, который длится с начала обмена, превратившего продукты в товары, и вплоть до XV столетия нашего летосчисления. Начало же обмена товаров относится ко времени, которое предшествует какой бы то ни было писаной истории и уходит в глубь веков в Египте по меньшей мере за три, а может быть и

за пять тысяч лет, в Вавилонии же за четыре—шесть тысяч лет до нашего летосчисления. Таким образом, закон стоимости господствовал в течение периода в пять — семь тысяч лет» («Капитал», т. III, стр. 913).

Насколько простое товарное производство было широко развито в наиболее передовых частях античного мира, показывает пример ряда районов Италии I в. н. э. Археологический материал дает яркую картину ремесленного производства Помпей, погибших в 79 г. н. э. Ремесленные мастерские и лавки встречаются почти в каждом доме. Это были сукновальные, ювелирные, каменотесные и парфюмерные заведения, стекольные мастерские, кузницы, булочные, обычно соединенные с мельницами, где рабочей силой служили животные и рабы, и т. д. Среди найденных в Помпеях ремесленных изделий, большинство которых производилось на месте, встречаются глиняные и бронзовые лампы, мебель, глиняная и бронзовая посуда, стеклянные и железные изделия, весы, хирургические инструменты и пр. Некоторые отрасли помпейской ремесленной промышленности были развиты так широко, что снабжали своей продукцией не только местный рынок, но и районы более отдаленные.

Помпейские мастерские получали часть необходимых им деталей из других городов. Так, например, металлические инкрустации для мебели, изготовляемой в Помпеях, доставлялись из Капуи, ножки для кушеток, на которых возлежали во время еды, привозились с Делоса. Канделябры составлялись из двух частей: нижняя производилась в Таренте, верхняя — в Эгине (Plin., XXXIV, 11). Таким образом, в отдельных случаях разделение труда выражалось в изготовлении деталей в разных мастерских и даже в разных городах.

Кроме Помпей, в Италии в I в. н. э. существовал ряд других крупных центров ремесленного производства. Город Капуя в Кампании снабжал изделиями своего бронзового производства (посудой, лампами) не только Италию: капуанские изделия встречаются даже в Северной Европе. Этрусский город Арреций широко развивает керамическое производство. Арретинская столовая посуда с рельефным орнаментом встречается в Испании, Марокко, на Рейне и в Британии. Более грубые сорта глиняных изделий (светильники и черепица) производились в Северной Италии, в Аквилее и Мутине. Шерстяные изделия изготовлялись в Парме, Медиолане (Милане) и Патавии (Падуе). В городах Кампании было широко развито стекольное производство.

Начиная со II в. н. э., ремесленная промышленность Италии начинает падать в связи с кризисом рабовладельческой системы, раньше всего проявившемся в Италии. С другой стороны, итальянское ремесло не могло выдержать конкуренции провинциального ремесла, которое как раз в первой половине II в. достигло высшей точки развития. Особенно больших успехов добились Галлия и прирейнские провинции. Центром стекольного производства становится Лугдун (Лион), откуда оно распространяется до Нормандии и южной Англии. Позднее центр стеклоделия был перенесен в Кельн (Colonia Agrippina). Галльские изделия из латуни вытесняют капуанскую бронзу с рынков Северной Европы. Галльская керамика достигает высшего расцвета. Красная глазурованная посуда, украшенная рельефами, вытесняет арретинскую посуду.

Однако, с другой стороны, в рабовладельческих обществах, наряду с широким развитием простого товарного производства, можно констатировать стойкое существование замкнутого хозяйства, в котором вся или подавляющая масса продукта производится для собственного потребления, никогда не выходит за пределы данного хозяйства и, следовательно, никогда не становится товаром. При рабовладельческом строе превращение продукта в товар играет подчиненную роль, которая, однако, ста-

новится тем значительнее, чем далее зашел упадок общинного уклада жизни.

Если мы обратимся к такому ценному памятнику италийского пригородного сельского хозяйства первой половины II в. до н. э., как «Земледелие» Катона, то найдем в нем любопытную двойственность. С одной стороны, отдельные места ясно говорят о том, что хозяйство, описанное Катонем, связано с рынком. «Покупай имение,— говорит он в первой главе,— если можно, у подножья горы, обращенное на юг, в здоровой местности, где много работников, есть хороший водоем, а поблизости богатый город, море или река, по которой ходят суда, или хорошая оживленная дорога». Очевидно, что город, судоходная река и оживленная дорога имеют для Катона преимущественно хозяйственное значение. В главе седьмой он прямо говорит об этом: «Подгородному имению больше всего подойдет виноградный сад, где лозы вьются по деревьям: можно продавать и дрова и хворост, и хозяину будет чем самому попользоваться. В таком имении следует сажать все, что подходит: всякие сорта винограда, в том числе аминейский, мелкий и крупный, и апициев». Ивняк для катоновского хозяина нужен не только для удовлетворения собственных потребностей, но и на продажу. «Ивняк,— говорит Катон там же,— следует сажать в местах, обильных водой, болотных, тенистых, около рек. Сообрази, нужны ли лозы хозяину, или есть ли для них сбыт». Не раз Катон дает советы, как нужно продавать маслины с дерева (гл. 146), виноград на лозах (гл. 107), вино (гл. 148, 154).

Катоновский хозяин не только продает, но и покупает: «В Риме покупай туники, тоги, плащи, лоскутные одеяла и деревянные башмаки; в Калах и Минтурнах: накидки, железные инструменты — серпы, лопаты, кирки, топоры и наборную упряжь; в Венафре — лопаты; в Суэссе и в Лукании: телеги; молотильные доски — в Альбе и в Риме; долии, чаны, черепицу — из Венафра. Плуги для сильной земли хороши римские; для рыхлой — кампанские; наилучшие ярма — римские; наилучший лемех — съёмный. Трапеты — в Помпеях, в Ноле, под стеной Руфра; ключи с запорами — в Риме; ведра, полуамфоры для масла, кувшины для воды, винные полуамфоры и прочую медную посуду — в Капуе и в Ноле. Хороши кампанские корзины из Капуи. Ремни, поднимающие прессовальный брус, и всякие изделия из спарта покупай в Капуе; римские корзины — в Суэссе и из Казина... лучшие, однако, будут в Риме» (гл. 135).

Этот отрывок очень интересен. Он говорит не только о многообразных рыночных связях катоновского хозяйства, но и о широком развитии простого товарного производства в городах Лация и Кампании. Степень этого развития такова, что дает возможность говорить еще во II в. до н. э. о некоторой областной дифференциации его.

Однако анализ произведения Катона позволяет сделать и другой вывод. При всей товарности катоновского хозяйства оно одновременно сохраняет сильные черты замкнутости. Ряд советов и рецептов Катона предполагает самообслуживающееся хозяйство. Таковы, например, советы, касающиеся содержания рабов и прокорма скота и вообще всякого рода домашних заготовок (главы 53, 54, 56—60, 99, 104—105, 112 и др.). Хороший хозяин покупает только то, чего нехватает в хозяйстве, и продает только излишки: «Чего на год нехватит, то купить; чего есть излишек, то продать» (гл. 2). При этом Катон выразительно добавляет: «Хозяину любо продавать, а не покупать» (там же).

Катоновские имения лежали где-то на границе Лация и Кампании, т. е. в тех частях Италии, которые были сильнее всего развиты экономически. Но характерно, что и среди этих имений Катон проводит некоторую дифференциацию в зависимости от их близости к удобным путям сообще-

ния, в частности, к морю. Так, для имения, далеко расположенного от моря, он дает рецепт изготовления «греческого вина» (гл. 105). Не трудно предположить, что в сельских хозяйствах юга Италии или ее восточного побережья было еще больше хозяйственной замкнутости, экономической автаркии, чем в поместьях Катона.

Замкнутое домашнее хозяйство — это натуральное хозяйство. В. И. Ленин, определяя барщинную систему хозяйства, говорит: «Очевидно, что ее преобладание предполагало следующие необходимые условия: во-первых, господство натурального хозяйства. Крепостное поместье должно было представлять из себя самовластвующее, замкнутое целое, находящееся в очень слабой связи с остальным миром» (В. И. Л е н и н, Развитие капитализма в России, Соч., т. 3, стр. 158).

Таким образом, у нас имеются два определения натурального хозяйства: 1) это — хозяйство, в котором рабочая сила не является товаром, которое основано на внеэкономическом принуждении непосредственного производителя; 2) это — замкнутое хозяйство, которое все или почти все свои потребности удовлетворяет собственными средствами, совершенно не прибегая или почти не прибегая к обмену.

Оба определения находятся в неразрывной связи друг с другом. Если рабочая сила не стала товаром, значит, общественное разделение труда еще не вовлекло в рыночный оборот все элементы хозяйства. С другой стороны, натуральное присвоение рабочей силы раба ставит определенные границы развитию товарного производства в рамках рабовладельческого общества.

Товарное производство обслуживало рабовладельческий строй, оно устанавливало связи между отдельными хозяйственными единицами, усиливало общественное разделение труда, приводило к областной экономической дифференциации, разлагало замкнутые хозяйственные единицы и тем самым, в свою очередь, влияло на дальнейшее развитие частной собственности и рабовладения. Товарное производство было одним из моментов воспроизводства в рабовладельческом обществе. Однако при воспроизводстве средств производства и рабочей силы товарное производство в рабовладельческой системе могло играть лишь подчиненную роль и захватывать в большей или меньшей степени лишь отдельные районы античного мира и отдельные сферы хозяйства. Воспроизводство экономики рабовладельческого общества в целом носило натуральный характер.

Простое товарное производство не могло разорвать рамки рабовладельческой системы и, в частности, не могло привести к капитализму.

Марксистская политическая экономия учит, что нельзя отождествлять товарное производство с капиталистическим. «Товарное производство приводит к капитализму лишь в том случае, если существует частная собственность на средства производства, если рабочая сила выступает на рынок, как товар, который может купить капиталист и эксплуатировать в процессе производства, если, следовательно, существует в стране система эксплуатации наёмных рабочих капиталистами». (И. С т а л и н, Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 14—15).

Непреодолимым препятствием для перехода рабовладельческого строя в более высокую общественную систему является сам рабовладельческий способ производства. Та наиболее грубая и жестокая форма внеэкономического принуждения, в которой выступает рабовладельческая эксплуатация, оставляет крайне ограниченные возможности для роста производительных сил. Рабство чрезвычайно затрудняет технический прогресс. Натуральные методы общего воспроизводства рабочей силы при рабстве (война, пиратство и т. д.) подрывают производительные силы общества. Наконец, рабство не дает возможностей для развития

самого трудящегося и ведет к его деградации. «Рабство — там, где оно является господствующей формой производства, — говорит Энгельс, — превращает труд в рабскую деятельность, т. е. в занятие, бесчестящее свободных людей. Тем самым закрывается выход из подобного способа производства, между тем, с другой стороны, для более развитого производства рабство является помехой, и устранение последнего становится настоятельной необходимостью. Всякое основанное на рабстве производство и всякое основывающееся на нем общество гибнут от этого противоречия» («Анти-Дюринг», 1950, стр. 330).

Товарное производство могло играть в рабовладельческой экономике свою роль только до известного предела, ограниченного началом кризиса рабовладельческой системы. Как известно, процесс развития рабовладельческого общества не был единым и прямолинейным. На протяжении трех-четырех тысячелетий его истории наблюдаются периоды подъема и **упадка** рабовладельческой экономики в разных районах: в древнейших восточных обществах, в полисах классической Греции, в эллинистических государствах, в Риме. Отдельные стороны рабовладельческого хозяйства часто получали неодинаковое развитие.

Однако все-таки можно проследить некоторую общую линию количественного роста, переходящего в качественные изменения, рабовладельческого способа производства. Эта линия выражалась в превращении «... патриархальной системы рабства, направленной на производство непосредственных жизненных средств, в рабовладельческую систему, направленную на производство прибавочной стоимости» (К. Маркс, Капитал, т. III, стр. 344).

Повидимому, высшей точки развития этот процесс в Средиземноморье достиг в конце республиканского и начале императорского периодов в Риме. Но уже во второй половине II в. н. э. рабовладельческое общество вступает в полосу кризиса. Это был кризис рабовладельческой системы, захвативший все ее стороны. Одним из наиболее ярких проявлений этого кризиса в области экономики был упадок товарного производства. Оно сокращается. Рабовладельческое общество идет к тому, чтобы снова распасться на изолированные, замкнутые хозяйственные единицы.

Однако этот процесс не следует преувеличивать. До какой степени стойко простое товарное производство держалось даже в западной половине Империи еще в начале V в. н. э., показывают слова Августина, дающего целую теорию ремесленного разделения труда: «Смешно, когда мы видим, что (римские боги), в силу разнообразных людских выдумок, представлены распределившими между собою занятия, подобно мелочным откупщикам налогов или подобно ремесленникам в квартале серебряных дел мастеров, где один сосудик, чтобы он вышел совершенным, проходит через руки многих мастеров, хотя его мог бы закончить один мастер, но превосходный. Впрочем, иначе, казалось, нельзя было пособить массе ремесленников, как только лишь тем, что отдельные лица должны были изучать быстро и легко отдельные части производства, и таким образом исключалась необходимость, чтобы все медленно и с трудом достигали совершенства в производстве в его целом».

В восточной половине Римской империи товарное производство было еще более стойким и держалось дольше, так как оно опиралось на более высокий уровень производительных сил. Но и в Византии к VII в. замкнутое натуральное хозяйство получило окончательное преобладание. Его не могла разрушить и та посредническая торговля между Западом и Востоком, которую еще долго держала в своих руках Византия.

Однако деградация товарного производства рабовладельческого строя в первые века н. э. означала не простой возврат к уже пройденному этапу

патриархального рабства. Сколь ни мучительно протекал рост производительных сил рабовладельческого общества, сколь ни медленно он шел, однако уровень производительных сил в конце рабовладельческой формации был выше, чем в ее начале. Самый упадок товарного производства в эпоху великого кризиса, приведшего к падению античного общества, был не столько выражением абсолютного падения производительных сил, сколько отражал противоречие между производительными силами и производственными отношениями.

В настоящей статье ставится только один из коренных вопросов товарного производства в древности. В конкретных исследованиях должно быть обращено внимание как на этот вопрос, так и на ряд других, разработанных еще совершенно недостаточно. Таковы вопросы о специфических путях развития товарного производства в странах древнего Востока и античного мира, о роли свободных производителей в этом развитии и о влиянии развития товарно-денежных отношений на исторические судьбы различных классов и социальных групп, о взаимном влиянии товарного производства мелких свободных производителей и рабовладельческих хозяйств, о времени и условиях возникновения товарного производства, и в этой связи о роли развития производительных сил в этом процессе, о политических последствиях перехода от рабовладельческой системы, направленной на производство потребительной стоимости, к рабовладельческой системе, направленной хотя бы частично на производство меновой стоимости.

Задачей всех историков древнего мира является дальнейшее изучение этих вопросов применительно ко всем областям древней истории, в том числе даже и по отношению к таким странам, экономика которых изучена пока еще вообще очень слабо. Существенно важным представляется глубже исследовать вопросы развития товарного производства и их роль в период становления рабовладельческих отношений в древней Греции. Без внимательного изучения роли торговли, товарно-денежного обращения и связанного с ним ростовщичества не могут быть успешно разрешены и многие вопросы истории Рима. Необходимо разрешить и вопрос о причинах более длительного сохранения товарно-денежного обращения в Восточно-римской империи по сравнению с Западной. Разумеется, здесь перечислены далеко не все задачи в данной области. Специалисты по отдельным странам древнего мира должны выдвинуть и глубоко изучить и другие вопросы, связанные с проблемой товарного производства в древности.

